

СИСТЕМНОСТЬ ОМОНИМИИ В РАМКАХ ЯДЕРНЫХ И РАСШИРЕННЫХ ТЕКСТОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Существование омонимии на уровне словоформ должно провоцировать омонимию и на следующем уровне — уровне композиций словоформ (термином «композиция» мы пользуемся вслед за Ю.А. Урманцевым и В.А. Карповым как более общим по сравнению с терминами «словосочетание», «синтагма», «предложение» и др.). Анализ показал, что омонимия отмечается и на этом уровне, но имеет свои особенности. Регулярное неразличение форм именительного и винительного падежей у множества существительных всех родов (исключая одушевлённые существительные мужского рода и женского рода, оканчивающиеся на *-а*, *-я*) должно приводить к омонимии в композициях, представляющих субъект (деятеля) и объект действия, а также субъект с существительным-определением в родительном падеже: *Игры сменяют занятия, Приглашает клуб ветеранов*. Такое состояние предполагает достаточно сильную омонимию в указанных синтаксических конструкциях.

Компьютер лишён человеческой интуиции. Кроме того, в памяти не может содержаться информации об имевшей место некоторой ситуации, которая позволяла бы снять омонимию на входе. Получается неразрешимая задача. Но обращение к массиву данных по синтаксическим моделям банка данных лаборатории показывает, что проблема омонимии на уровне синтаксиса в определённой мере искусственная. На объеме свыше 4-х тысяч композиций, полученных сплошной выборкой, отмечен лишь 321 случай типа *Молодость обретает зрелость, Успех принёс подряд* и т.п.

Представляет интерес выяснение причин, вытормаживающих теоретически ожидаемую омонимию. Развивая идеи В.А.Карпова о существовании ограничивающих омонимию факторов [1, 226–227], для определения степени омонимичности построим куб с учетом форм числа у элементов модели. Единственное число обозначается «Е», множественное — «М».

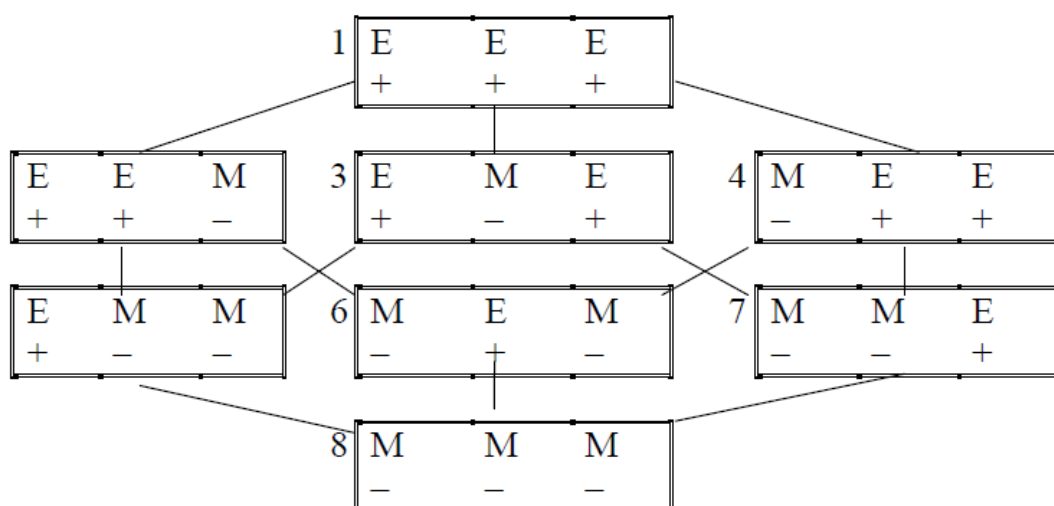

Рис. Куб

С учетом того, что каждый элемент модели может принимать значение единственного и множественного числа (нельзя априорно наложить никаких ограничений), мы получим восемь комбинаторных подсистем. Согласование глагола с субъектом в числе оказывается формальным признаком вытормаживания или снятия омонимии, т.е. в шести случаях из восьми субъект и объект различаются через глагол. Таким образом, мы получили теоретические параметры омонимичности в данной модели: лишь в 2-х случаях — ниши «ЕЕЕ» и «МММ» — может быть омонимия типа хрестоматийных примеров: *Мать любит дочь, Творчество рождает вдохновение, Молодость обретает зрелость* и т.п. Это составляет 25% всего наполнения модели. Но в реальности отмечен значительно меньший процент омонимии.

Материалы банка данных бывшей НИЛ теоретической и прикладной лингвистики по данной модели представляют все шесть вариантов порядка следования элементов, они даны по мере убывания количества в БД (С=субъект, П=предикат, О=объект).

Таблица

	СПО	ОПС	ПОС	ПСО	СОП	ОСП	Всего
Общее кол-во	2731	751	250	150	135	17	4034
К-во омоним.	74	9	10	9	13	2	321

Из таблицы видно, что конструкции с омонимичными субъектами и объектами составляют менее 10% от общего числа по всем исследуемым моделям. Нам следует оговорить тот факт, что наши данные с омонимичными субъектами и объектами являются конструкциями с формально омонимичными С и О, поэтому процент семантической омонимии будет ещё ниже. Основными грамматическими показателями, характеризующими омонимичные С и О, являются категории падежа, числа, рода и одушевлённости, причём все они тесно взаимосвязаны.

Так, если в конструкции мы находим множественное число у субъекта и объекта, то омонимичной эта конструкция будет только в том случае, если и субъект и объект — неодушевлённые существительные: *Весы показывают калории, Леса охраняют поля*. В противном случае омонимия снимается. При одушевлённом С или О (но не С и О) омонимии С и О не будет, ср: *Новостройки зажигают огни и Строители зажигают огни*.

Таким образом, из теоретически возможных 25% омонимии в нишах ЕЕЕ и МММ одушевленность субъекта при неодушевленности объекта вытормаживает около 15% теоретически предполагаемой омонимии.

В категории рода теоретически возможно девять комбинаторных двучленных сочетаний родов: 1) ММ, 2) ЖЖ, 3) СС, 4) МЖ, 5) МС, 6) ЖМ, 7) ЖС, 8) СМ, 9) СЖ. Для конструкций с омонимичными субъектом и объектом наиболее характерны первые три сочетания. Однако посмотрим, что мы имеем на практике. Все девять предполагаемых сочетаний встретились в материалах банка данных лаборатории. Наиболее частотными являются сочетания с мужским родом: М.р.+ М.р.; М.р.+ С.р.; М.р.+ Ж.р.

Преобладание сочетаний с субъектом и объектом в мужском роде можно объяснить следующими факторами:

а. По данным «Частотного словаря» Э. Штейнфельдт, 46,8% существительных русского языка относятся к мужскому роду, поэтому сочетания со словами мужского рода наиболее частотны (2);

б. В единственном и во множественном числе все неодушевлённые существительные мужского рода, которые не оканчиваются на «-а», «-я», не различают формы именительного и винительного падежей.

Низкий уровень наполняемости двух других симметричных по категории рода сочетаний субъекта и объекта (ЖЖ, СС) объясняется следующими причинами:

1. Если и С, и О — слова женского рода, то роль ограничителя омонимии играет категория склонения: только в третьем склонении именительный и винительный падежи существительных женского рода совпадают в единственном и во множественном числе (для одушевлённых — только в единственном), что сделало возможным такую омонимичную конструкцию, как *Мать любит дочь* или *Дочь любит мать*. Поскольку число существительных женского рода 3-его склонения значительно уступает количеству существительных этого рода в первом склонении, следовательно, этим фактом можно объяснить меньшую употребительность сочетаний, где субъект и объект — слова женского рода (35,1 %);

2. Малочисленность наполнения сочетаний, где омонимичные С и О среднего рода, объясняется малочисленностью существительных среднего рода (15,5%).

Высокий уровень наполняемости С и О в сочетаниях (М + С) и (М + Ж) мы объясняем механизмом работы категории склонения: М + С — влияние первого склонения (м.р. — нулевая флексия, ср. р. — *-o/-e*); М + Ж — влияние второго склонения (ж.р. и м.р. — на *-a/-я*).

Таковы основные параметры работы грамматических категорий в конструкциях с омонимичными субъектами и объектами. Однако, как указывалось выше, система языка не стремится иметь высокий процент совпадающих форм. Пользователь языка, видимо, подсознательно избегает омонимичных форм, т.к. реальная омонимия в конструкциях ниже теоретически возможной наполовину. По нашему мнению, омонимия здесь снимается следующими способами:

1. Механизм работы категорий рода, числа, падежа, одушевлённости оказывает тормозящее действие на использование омонимичных форм субъекта и объекта;

2. Семантика субъектов и объектов имеет прямую связь с управлением глагола, т.к. в конструкции глагол управляет только одним существительным, семантика которого позволяет определить его как субъект, например: *Новостройки зажигают огни*; *Штаб проверяет готовность*. Но ни в коем случае не наоборот;

3. Конструкции с омонимичными субъектами и объектами разграничиваются порядком слов с привлечением второго способа (2). Таков, по нашему мнению, механизм сопротивления омонимии в системе языка.

Можно описать и ряд других моделей, где омонимия возникает на базе омонимичных словоформ с совпадением других лексических и семантических значений: *Пришёл день мести; Только им одним; Пришли трактора; Цвета янтарной осени; На картуз; Родные сестры; Целую буханку; Денисова хочет покритиковать; Света ждала; Не прощается; Вы служите; Боевая награда матери; Покоряет фантазия мастера; Людям города дарить; По приказу ГТО не освоили; Вагоны стоят меньшие; Мука с травяной мукой; Приветствует весь мир* и т.п.

Надо отметить, что с увеличением длины модели нарастает её индивидуальность, так как при длине в семь словоформ повторяемость моделей резко падает при увеличении их типологического разнообразия. Число же переменных наполнителей каждой грамматической позиции в модели возрастает, что приводит к уникальности отражения мира через конкретную модель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов, В. А. Язык как система. — Минск, 1992.
2. Штейнфельдт, Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. — Таллин, 1963.